

Виктор ДЪЯКОВ

16+

ГОСПОЖА

Виктор Дьяков

Госпожа

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Дьяков В. Е.

Госпожа / В. Е. Дьяков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Шестидесятые годы XX-го века. В маленьком городке на китайской границе умирает от рака пожилая женщина. Чтобы она не мучилась от нестерпимой боли, ей делают регулярные уколы морфия. И под воздействием этих инъекций, в полубессознательном состоянии она заново проживает свою жизнь, с тех самых пор, когда тринадцатилетней девочкой попала в прислугу в барский дом. Там она увидела такую жизнь... о которой потом мечтала и к которой стремилась всю свою жизнь. Она хотела стать госпожой, как её бывшая барыня, хозяйкой жизни и проявляла ради этого иной раз невероятную энергию и изворотливость. И, казалось, случившаяся революция предоставляла такие возможности. Но, увы, как говорится, каждый сверчок знай свой шесток...

© Дьяков В. Е., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Начало осени 1963 г.	5
Лето 1910г.	7
1963 г	11
1910 г.	12
1963 г.	15
1911 г.	17
1963 г.	19
1911 г.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Начало осени 1963 г.

Ксения Андреевна умирала. Еще менее года назад она была абсолютно здорова и смотрелась куда моложе своих 65 лет, такой осанистой, фигурной, властной матроной. Но год минул, и сейчас на железной кровати-полуторке лежала изможденная старуха. «Тающий» буквально на глазах человек – один из характерных признаков рака пищевода. Ксению Андреевну не стали держать в больнице, ибо безнадежных «раковых» обычно отпускали умирать домой, если имелась такая возможность, то есть при наличии родственников и их желании ухаживать за безнадежно больными. Таким образом, свои последние дни Ксения Андреевна доживала рядом с сыном, снохой и внуками. Не самая плохая участь для умирающей.

Нестерпимая боль в очередной раз пронзила живот и Ксения Андреевна, громко вскрикнув, протяжно застонала. На этот стон из кухни прибежала сноха.

– Мама, что... опять болит? – сноха спросила вроде бы искренне участливо, и лишь очень проницательный человек мог уловить в том вопросе некую фальшь.

Да и как иначе, сноха, на чьи плечи свалилась основная тяжесть ухода за больной свекровью, хоть и тиха нравом, и спокойна характером... но она так измучилась, что подспудно не могла не желать: скорее бы все это закончилось.

– Зоя, не могу, позови Борю, пусть укол мне сделает, – слабым голосом взмолилась Ксения Андреевна.

Боря – это 16-ти летний внук, который мечтал стать врачом. Потому он и вызвался овладеть нехитрым искусством делать уколы морфия, чтобы заглушать нестерпимую боль, которую испытывала бабушка.

– Мама, рано еще. Врач говорил уколы надо делать примерно в одно и то же время. Еще пару часов потерпеть надо, – возражала сноха, но как-то нетвердо, ибо за совместную жизнь привыкла всегда и во всем подчиняться волевой и властной свекрови.

– Не могу больше... позови Борю! – до того немощный голос обрел силу отчаяния и приказные нотки.

Сноха осуждающе покачала головой, но повиновалась.

– Боря, сынок... иди сделай бабушке укол, – позвала она сидевшего в своей комнате за уроками сына.

– Мам, рано ведь, – мордатый румяный подросток оторвался от учебника и недоуменно кивнул на висевшие, как и во всех комнатах, часы-ходики.

– У бабушки болит сильно, если не сделать укол кричать начнет как позавчера, соседи услышат, – сноха очень боялась негативной реакции соседей, на такое вот поведение свекрови.

Борис пожал плечами и, нехотя встав из-за стола, пошел в угол комнаты, где у него лежали в коробке шприцы, чтобы один из них «прокипятить». Прокипятив и втянув из ампулы морфия, он вошел в комнату бабушки и чуть «прыснув» шприцом, предотвратив возникновения «воздушной пробки».

– Бабуль давай я тебе укол сделаю.

– Да, Боря... только ты полегче, – ласково попросила Ксения Андреевна, ибо внука очень любила, в отличие от девятилетней внучки, которая сейчас находилась в школе, ибо училась во вторую смену.

Почему бабке внук нравился куда больше внучки, хотя и он и она выросли на ее глазах? Все дело в характере, который иной раз невозможно изменить ни каким воспитательным воздействием. Внучка казалась Ксении Андреевне чересчур вредной, в отличие от пошедшего в мать покладистого неконфликтного Бориса. А вот то, что внучка такая же как она сама: упря-

мая, гордая, своевольная – это бабке очень не нравилось. Два сильных характера, как правило, редко мирно уживаются.

Едва действие морфия начало сказываться, как Ксения Андреевна не без облегчения провалилась в полузабытьё. Она словно смотрела сон, состоящий из наиболее знаковых эпизодов ее жизни.

Лето 1910г.

Не совсем обычной была деревня Подшиваловка Саратовской губернии. Наверное, нигде более так не различались жилища большей ее части от меньшей. И дело не в том, что богатые дома выделялись на фоне массы бедных изб. Куда в большей степени отличались дома и огороды в немецкой части от таковых в русской. Да, в той деревне имело место смешанное население. Большую часть составляли потомки переселенных сюда в саратовское заволжье еще в тридцатых годах девятнадцатого века из Пензенской губернии крепостных одного из представителей многочисленного семейства столбовых дворян Римских-Корсаковых, меньшую – поселившиеся здесь уже после отмены крепостного права немецких колонистов.

Ну, немцы есть немцы, об их чистоплотности, трудолюбии, дисциплинированности всегда ходили легенды. Оттого и дома и приусадебные участки у них выглядели соответствующе: опрятно, благоустроено, крепко. Бедняки среди них были, но то случалось крайне редко. Ну, а русские... Разные господа занимались воспитанием в средние века русских и немецких крестьян. Немецкие бароны не только сами жизнью наслаждались, но и воспитывали, нередко палкой вколачивали в своих кнехтов эти самые трудолюбие, чистоплотность, дисциплину. А кто не желал перевоспитываться, они не мудрствуя лукаво уничтожали, дабы не оставили потомства. Потому так мало среди немцев всевозможных бунтарей, лентяев, нерях. Хорошо это или плохо? История не дала однозначного ответа, но такая «селекция» является свершившимся историческим фактом. А вышеперечисленные качества немцев, как и других народов, попавших в свое время под власть всевозможных тевтонских и ливонских рыцарей: чехов, латышей, эстонцев – это тоже уникальный исторический факт.

А вот у русских были совсем иные господа. Предки тех господ в большинстве происходили либо со Скандинавии, либо с Орды, либо имели польско-литовское происхождение. Те господа любили в основном жить в веселье, праздности и воспитанием своих крепостных себя особо не утруждали. Нет, по три шкуры с них они драли, но так чтобы отделять лентяев от трудяг, честных от воров и соответственно награждать – то оказался для них слишком тошный труд. Но они и столь зверского «очищения» своих холопов не производили. С одной стороны поступали они куда более гуманно, с другой, наряду с честными и трудолюбивыми рождались и множились всевозможные мазурики, лентяи, а то и просто бандиты, именуемые почему-то лихими людьми. А с учетом того, что крепостное право в России отменили на столетия позже, чем в Европе, это привело к тому, что при отсутствии смысла хорошо трудиться у крепостных, в лентяев превращались даже те, кто таковыми от природы и не был.

Результат всего вышесказанного наглядно отображался в Подшиваловке. Немецкая часть – зажиточность, ухоженность, чистота, русская – бедность, грязь, запустение. Конечно, не у всех. Некоторые русские хозяева уже более тридцати лет проживая бок о бок с немцами многое у них переняли, и их жилища крепки и опрятны и даже на скотных дворах у них убрано, и скотина справная и огороды обихожены, грядки до последней травинки выполоты, и полезная растительность колосится там густо. Впрочем, таких русских хозяев немного, в основном преобладает бедность, грязь, сорняки... И все это на одной и той же земле, в одном климате, рядом. Можно поразмыслить, а если бы и у немцев столько веков крепостничества, да господа не свои бароны, а какие-нибудь пришлые ордынцы или паны были – какие бы они стали? Но как говорится, история не имеет сослагательного наклонения, факт остается фактом – такой вот в начале 20-го века являлась деревня Подшиваловка.

В одну из бедных саманных хат, где на загаженном пометом и коровьими «лепешками» дворе бегали куры... с трудом находя проход в этой грязи на двор с улицы вошла пожилая женщина с обыкновенным крестьянским лицом, но не по-крестьянски одетая и ухоженная.

В Подшиваловке, как и вообще в саратовском заволжье один урожайный год приходился на два среднеурожайных и один неурожайный. В неурожайные и средние годы своего пропитания особенно в бедных семьях (а семьи обычно были большие) не хватало, чтобы дожить до следующего урожая. Потому многие мужики уходили на заработки в Саратов, а то и дальше, либо нанимались батрачить к помещику, своим богатым односельчанам, как к русским, так и к немцам. Таким образом, до трети глав семейств в деревне большую часть года отсутствовали. Некоторые вообще бросали свои земельные наделы и кормились в основном за счет вот такого отхожего промысла. Промысел не был прибыльным и те семьи, как правило, жили впроголодь.

Так вот, эта немолодая, одетая в добротные кофту, юбку, боты с галошами, женщина зашла на такой неухоженный грязный двор, вид которого говорил о том, что мужика-хозяина в этом доме давно уже нет, ибо он скорее всего ушел на заработки.

– Марфутка... Марфутка... ты дома!? – кричала женщина, не решаясь идти по двору и притворив за собой кособокую скрипучую калитку.

На покосившееся крыльцо, согнав со ступенек прикорнувшего на солнцепеке кота, вышла босая, одетая в грубую длинную серого цвета льняную рубаху женщина с усталым лицом, которая смотрелась значительно старше своих тридцати пяти лет. В лицах обоих женщин просматривалось не явное, но бесспорное сходство, которое бывает у не самых близких родственников. Но только лицами они и были отдаленно схожи. Во всем остальном ничего общего. Хозяйка подворья сухопарая, почти безгрудая, с выпирающими из выреза рубахи ключицами, длинными, тонкими жилистыми руками. При этом тонкие конечности увенчивались довольно большими костистыми ладонями и ступнями. Русские крестьянки всегда надрывно работали, таща в основном на себе и хозяйство, и детей. А в конкретном случае от ушедшего в Саратов на заработки мужа помощи вообще ждать не приходилось.

В сравнении с хозяйкой подворья ее старшая родственница уже давно жила совсем иной жизнью. По внешности и одежде, она вполне походила на городскую мещанку, имевшую некий стабильный источник существования. Сама фигура гостьи свидетельствовала, что она, и ест досыта, и тяжело работать ей не приходится. О том само за себя говорило невозможное для постоянно пластающейся в доме на огороде и скотнике крестьянки дородство гостьи, когда с возрастом накапливаются на груди, животе, бедрах запасы естественного бабьего жирка. А округлые щеки и почти полное отсутствие морщин на лице позволяло ей казаться даже моложе своих лет. Будучи почти на двадцать лет старше своей родственницы гостьи смотрелась, ну разве что ненамного старше и куда более привлекательно.

– Тетя Глаша!... Ох господи... у нас тут грязно, не обмарайся. Дай я тебя провожу...

Марфа бросилась навстречу гостье, явно стесняясь царящей на дворе неухоженности и стремясь поскорее провести гостью в дом. Гостья, поднимаясь по скрипучим ступенькам крыльца, брезгливо покосилась в сторону скотного двора, откуда исходил соответствующий неприятный запах...

Обычно приход тетки являлся для Марфы чем-то вроде праздника. После смерти матери тетка оставалась для Марфы единственной старшей родственницей с материнской стороны, но то было не главное... Главное то, что тетка в деревне с давних пор занимала особое положение, ибо уже более тридцати лет жила не деревенской жизнью, а служила горничной у господ, потомков бывших владельцев Подшиваловки, помещиков Римских-Корсаковых. Именно на тетю Настю, тогда еще совсем молоденькую пал выбор господ, когда они искали прислугу. Тогда господа могли кого угодно взять, в том числе и ее старшую сестру, мать Марфы. Тогда бы совсем по другому сложилась жизнь и матери и самой Марфы. Но господа искали девку незамужнюю и без детей. Потому и повезло тогда тете Насти. Ох, как повезло, потому что не за

простого крестьянина вышла она потом замуж, а опять же за барского слугу, за конюха. И дети ее выросли на барском дворе, ни голода, ни прочего лиха не знали. А потом на те деньги, что на службе у господ их родители скопили, поехали двоюродные братья и сестра Марфы в город, в Саратов. Братья выучились ремеслу, сестра тоже там устроилась, вышла замуж за приказчика. В общем, уготовала тетка своим детям совсем не ту жизнь, которую проживала ее племянница.

– Я вот что к тебе пришла Марфуша, – тетка допила чашку чая и отставила ее к стоящему посередине стола самовару.

После паузы, обозначившей значительность её слов, она продолжила:

– Вот что, собираюсь я с барского двора съезжать и к детям в Саратов подаваться.

Тетка вновь замолчала в ожидании реакции племянницы. Марфу слова тетки явно ошарашили. Она не могла взять в толк, как это можно добровольно отказаться от, как ей казалось, легкой, сытой и чистой жизни и ехать в город к детям. Да, там ее двоюродные в общем неплохо обустроились, но насколько она знала, не слишком жируют, более того сами постоянно пользовались денежной поддержкой от матери. Ведь тетя Глаша являлась весьма значимым лицом в расположенном рядом с Подшиваловкой барском имении. И хоть тетка не больно жаловала племянницу, но в особо тяжелые времена, когда семье Марфы грозил голод, а это случалось когда муж Марфы Петр приносил с отхожего промысла мало денег... В такие годы тетка хоть и не очень щедро, но помогала, и деньгами, и продуктами, спасая, если не от голодной смерти, то от участи побирушек.

– Как же, тетя Глаш? Неужто ты из барской усадьбы-то совсем уйдешь? – недоуменно спрашивала Марфа. – Разве тебе у господ плохо живется?

– Ох Марфутка, лучше сейчас, зарань уйти, чем дожидаться, когда совсем состарюсь и взашей выгонят. Ведь с каждым годом все тяжелее мне там. Барышня хоть и на моих глазах выросла, а не больно меня любит. Да и раньше не так уж сладко мне там было. Я ведь и вам и никому не говорила, каково мне там иной раз доставалось. Да, не голодную жизнь я прожила, но не такую уж легкую. Наши-то господа, они же всегда подшиваловцев своими рабами считали и считают, как и до отмены крепости. Старая-то барыня покойница и по щекам меня била, и по другому изголялась. Все было, только я про то молчала. Да, конечно, может и грех жаловаться, зато не голодала, тяжелой работы не делала, сена не угребала, зерна не молотила, за скотиной не ходила. И так и так подумаешь. А сейчас все, молодой барышне угождать уже не под силу. Слава Богу, деньги в запасе кой какие есть, я и сама жить смогу. А в имении нет, там я, чую, долго не протяну, случится то же, что со Степой моим. Как его заездили бары, так и меня в конец заездят. Не помер бы Степа, может, еще послужила бы, а так нет, не могу больше.

– Надо ж, а мы ведь и не знали, что вам со Степаном Евсеичем так там доставалось, вы же нам-то и в самделе ничего не рассказывали, – изумилась Марфа.

– А что нам говорить-то было... жаловаться? А чем родня-то хоть ево, хоть вы помочь-то могли? Только по деревне про то наше горе узнали бы да зубоскалили с радости. Нет Марфутка, вот только, как уж совсем ухожу, так тебе и говорю, все как на духу.

– Ох, тетя Глаш, как обухом по голове, слова твои. Я ж так привыкла, случай чего, на тебя надеяться, на помощь твою. А теперь получается и не на кого, – откровенно призналась Марфа.

– Эх Марфутка, надеяться всегда только на себя надо. Заставь Петьку своего справным мужиком стать. Вон путные которы, так же как и он в городе работают, да не ленятся и по кабакам не сидят, оттого их и с работ тех не гонят и деньги они хорошие домой привозят. У них жены с детьми и одеты и обуты и по миру не ходят. А твои вон оборванцами бегают и вечно голодные. И сама при таком мужике совсем отошала и обутки не имеешь хорошей, – тетка кивнула на босые ноги племянницы.

– Чего уж там, тетя Насть, так уж Бог дал. Мой Петя не как твой Степан Евсеич, у него никогда ни за дом, ни за детей душа особо не болит. Вон который год с заработков почти пустой возвращается и всякий раз какие-нибудь отговорки придумывает. То его обворуют, то

обманут, то деньги в шапку зашил, а шапку потерял. Его таким Бог сотворил, тут уж ничего не поделать, – Марфа обреченно всплеснула руками и на ее глаза навернулись слезы.

– Да знаю я про то. Потому и пришла к тебе. Опять помочь хочу, – тетка многозначительно понизила голос.

– Помочь... как это?

– А вот так... Сейчас в имении всем барышня управляет. Ох, та еще стервь выросла, да и с измальства такой была. Но раньше-то она все больше в городе проживала, в гимназии обучалась. А теперь вот учење закончила и все больше в имении сидит, да кровь с прислуги пьет. Ох, не вовремя старая барыня померла, хоть и била иной раз, но с ней куда как легшее было, чем с этой. Мать-то ее если и ударит, прибьет, так отходила быстро от злости. А эта нет, нас-то старых слуг не бьет, только молодых, но и слова доброго никогда не скажет, только все попрекает с утра до ночи. То это ей не так, то другое не эдак. Я ей вот прямо в глаза и сказала, что уйти хочу. Думала, хоть немного совестно ей станет, понять должна, что из-за нее. Куда там. Безо всякой жалости рассчитать хотела, будто и не служила я им тридцать лет. Только фыркнула и говорит: убирайся на все четыре стороны хоть сейчас. Мне так обидно от ее слов стало, чуть не заплакала. А она подумала и говорит: прежде чем уезжать найди мне в деревне девку помоложе себе на замену. Они ж, я тебе говорила, как и прежде всю Подшиваловку, кроме немцев, как и прежде чуть ли не своими крепостными считают. И говорит мне, чтобы девка еще малая была, но уже к работе приучена, чтобы расторопная и пригожая, и чтобы к господам уважительная. Я то сначала в обиде на нее была, хотела ей, как и она мне: вам надо вы и ищите. А потом о твоей Ксюхе и вспомнила. Ей ведь уже тринадцать лет исполнилось и она у тебя во всем девка ловкая и на личико пригожая. Да и тебе облегчение, все одним ртом в семье меньше. А со временем, может, от Ксюхи-то вам всем помощь будет, если она сумеет, как я в барском доме пристроиться. Что ты на это думаешь, Марфутка? Приодень Ксюху-то в чистое, да я ее и отведу к барышне, может она ей и глянется.

– Тут и думать нечего. Ой, не знаю, как и благодарить тебя тетя Глаш! Сейчас соберу все, что лучшее из одёжи у нее и забирай Ксюху, – ни минуты не колебалась Марфа.

– Ну, и правильно. Так и думала, что уговаривать тебя не придется. А Ксюха-то как, еще согласится ли? Она вон какая у тебя гордячка, хоть и босиком, а ходит нос задрав, будто сама барышня, – словно спохватилась тетка.

– Не сомневайся, согласится и тоже уговаривать не придется. Уж больно жизнь деревенская не по ней, спит и видит, как бы с деревни убежать. Корову доить для нее мука смертная. Всякий раз едва заставить ее могу, вся изломается прежде чем подойник возьмет. Все что угодно делать будет полы мести, мыть, даже стирать, только не доить... Спасибо тебе великое тетя Глаш...

1963 г

Ксения Андреевна очнулась от полузабытья, не в состоянии понять, где она и что с ней. Казалось, только что ей нестерпимо ломило детские ладошки от многократных сжатий коровьих сосков... Но нет, болели не руки, болело где-то в животе и совсем по другому. Она почти не воспринимала своего тела, не понимала, что сейчас то уже не тело тринадцатилетней девочки, у которой болят руки после дойки коровы и стирки в холодной воде, а тело почти шестидесятишестилетней старухи, к тому же обессиленной неизлечимой болезнью. Нестерпимую боль глушили инъекциями морфия, что и предопределяло такую вот жизнь в двух временных измерениях: реальном, и всплывающими в полубеспамятстве событий «давно минувших дней». А руки у Ксении Андреевны давно уже так не болели. Ведь ту же корову она не доила с тех самых пор, со своего тринадцатилетия.

Лишь когда пришел с работы сын, и вернулась из школы внучка, Ксения Андреевна окончательно «вернулась» в реальность. Сноха топила печь. Сначала в доме возник характерный запах сгорающих кукурузных кочерыжек, используемых под растопку. Этот запах больная переносила спокойно, он не раздражал. Но потом загорелся уголь, запах которого Ксения Андреевна переносила с трудом... То ли дело дрова. В Подшиваловке не было леса, но там печи всегда топили дровами, хоть они и были дороги. Сказывалась привычка, еще с тех времен, когда предки подшиваловцев жили в Пензенской губернии, где имелось много леса, потому и на новом месте дрова предпочитали любому другому топливу, хоть они и влетали в копеечку.

Сейчас, обоняя этот неприятный запах горящего угля, Ксения Андреевна вдруг вспомнила... Нет не свою родную избу, где печка часто забивалась и дрова горели плохо. Она вспомнила печь в барском доме. Какая же то была прекрасная печь, большая, отделанная изразцовой плиткой. Дрова в ней горели с веселым треском, тепло от нее исходило обильное, запах от поленьев духовито-приятный. Словно не желая больше обонять в реальности неприятный угольный запах, Ксения Андреевна вновь забылась, в стремлении опять попасть туда, где благоухала чудным теплом красивая изразцовая печь.

1910 г.

– Главное качество, которое ты должна в себе выработать, услужливость и аккуратность. А аккуратность невозможна без чистоплотности, – барышня Ирина Николаевна, сидела в кресле и строгим голосом наставляла худую, бедно одетую девочку, двоюродную внучку своей старой горничной. Девочка стояла опустив голову и слышала не только голос барышни, но и как потрескивают за печной дверкой поленья. Верхняя одежда плохо грела и после улицы, где гулял пронизывающий ветер, ей очень хотелось согреть посиневшие ладони о выложенные изразцами бока печи... Но барышня говорила и говорила.

– В таком виде я тебе больше в доме появляться не позволяю. Передай бабушке пусть оденет тебя попримличнее. Волосы прибрей, ногти аккуратно подстриги, и угрей, чтобы я у тебя больше не видела. Если за собой следить не будешь, и от тебя будет дурно пахнуть – назад в деревню отошлю... Вставать будешь в шесть часов утра. Время-то по часам умеешь определять?

– Умею барышня, – еле слышно отвечала девочка.

– Что ты там шепчешь, громче говори. Так вот, слушай и запоминай, больше повторять не буду. Встаешь в шесть часов и до половины восьмого во всех комнатах, кроме господских спален убираешься: моешь полы, вытираешь пыль с мебели. Чтобы нигде ни пылинки не было. Ты в школу-то ходила, грамоте обучена?

– Не... один год с осени пошла, потом холодно стало, а у меня ни одежды, ни обуви теплой не было, так боле и не ходила, – со страхом в голосе призналась Ксюша, подумав что по причине неграмотности ей откажут от столь престижного места.

Но барышня, напротив, данным обстоятельством осталась очень довольна:

– Ну, и отлично. Грамота тебе ни к чему. Когда ваши деды и бабки в крепости жили, они грамоты не знали, зато дурными мыслями себе голову не забивали. И они вполне своей жизнью довольны были, потому что за них все их господа решали. А сейчас через ту грамоту все слишком много думать стали и о себе много понимать. С того и порядка нет кругом, бунты и всякие непотребства. А каждый должен знать свое место.

Совсем еще молодая, год назад окончившая гимназию, барышня старалась казаться мудрой госпожой, и если в общении со слугами постарше у нее это не всегда получалось, то сейчас она как никогда убедительно и с удовольствием «играла свою роль».

– В общем, так Ксения, бери пример со своей бабушки. Она тут тридцать лет служила и за это время от нас только милости имела. Также будешь нам угождать, тоже из полемойки в горничные выйдешь. Поняла!?

– Поняла барышня, – смиренно отвечала Ксюша, еле сдерживая рвущуюся наружу радость: ее взяли, она будет жить в барском доме, она больше не будет доить корову, голодать, ходить в обносках, нянчиться с младшими братьями, утирать им носы...

– Ну, раз так, пусть бабушка тебя в божеский вид приведет, да помни, что тебе надобно делать. И пока она тебя всему не научит тебя, я ее никуда не отпущу, так и передай... Ступай!

– Ишь, не отпустит она, – недовольно ворчала баба Глаша на слова барышни, которые ей передала Ксения. – Поди уж пятьдесят лет как крепости нет... нету такого закону, чтобы силом держать. Это её дед с бабкой тут могли кого хотели отпускали, а кого хотели не отпускали, или на конюшне розгами драли...

Тем не менее, все это она лишь гундела себе под нос вполголоса и слышала ее лишь Ксюша.

– Баб Глаш, а что мне здесь только полы мыть, пыль вытирать, да печь затапливать, а боле ничего? – решила уточнить круг своих обязанностей Ксюша

– Ты, девка, раньше времени не радуйся. Работу она для тебя всегда найдет. Для тебя главное уборку успеть закончить и печку затопить до того как барин и особенно барышня проснутся. За это время тебе все успеть надо, а дом, сама видишь, большой. Я тебе все покажу как быстро и нижний этаж и лестницу мокрой тряпкой промокнуть. А мыть по-хорошему надо через день. С печкой смотри осторожнее, она не такая как у вас в избе, у нее тяга сильная, разгорается хорошо, но и огонь большой, тут главно пожара не наделать. Я ведь тоже первые лет пять наверно вот так полы мыла да печку топила, а уж потом в горничные вышла. Если барин проснется, а у тебя что-то не убрано, или печка не протоплена и в дому холодно, это еще ничего, а если к барышне не успеешь... ох, ругаться будет, а то и чем-нибудь в тебя кинет. А проснуться она и в восемь часов может, и в девять, а то и до десяти дрыхнет. Так что тебе до восьми часов все успеть надо. А она все одно проверит, и если где пыль или грязь найдет... Не знаю, на нас старую прислугу она только ругается или кидает что-нибудь, а тебя, боюсь, и прибить может. Ты Ксюха к этому готова будь. Она тут молодую девку, что меня в горничных подменяла, когда я к своим в Саратов ездила, так по щекам отхлестала за то, что кофий на блюде пролила, когда ей подавала. Такое с нашей барышней случается. В бабку она пошла, та тоже драться любила, а вот мать ее, та совсем другой была. Из-за нее, из-за барышни и моя Дуняшка не захотела здесь в горничных оставаться. Тогда еще барышня в гимназии в Саратове обучалась и здесь только летом да в каникулы на пасху жила. Дуня то по годам ей ровесница, мы же с прежней барыней и рожали-то почти в одно время... Так вот, приехала барышня на те каникулы и не понравилась ей как моя Дуняша убралась в ее комнате. Отругала она ее, а Дуня-то что-то в горячке ей и ответила. Барышня-то за это ее по щеке и ударила. Дуня в слезы и ко мне бежит. Мне бы ее надо было пожалеть да успокоить. А я тоже разозлилась, как это так, не старое время, чтобы по щекам бить, не крепостные мы уже давно. Дуняша то меня послушала да за дверь. Я и подумать не могла, а она к барышне-то побежала и все эти мои слова прямо в глаза ей и сказала... Ох, что там потом было, я и у барыни в ногах валялась и к барышне ходила, просила Дуняшу простить. Барыня вроде и не против была, а барышня то Ирина уперлась, она уже и тогда в доме большую силу имела, чем мать. Так и пришлось мне Дуняшу от греха в Саратов отправить к Ване, старшему моему. Он тогда уже учение закончил и в подмастерьях был, деньги какие-никакие зарабатывал. Ты учти это Ксюха и барышне не перечь, а если что, терпи...

– Баб Глаш, а я и не знала, что тут с тетей Дуней-то случилось, и мама ничего не говорила.

– А про то никто кроме прислуги и не прознал. Я и Дуне наказала молчать, боялась, что и меня вслед за ней со двора прогонят. Тогда ведь муж-то мой Степан уже помер, и куда бы мне идти было? Ох, тогда Дуне и в городе хлебнуть пришлось, если бы не брат не выжила бы. Это ж он ее потом в лавку-то к купцу по знакомству пристроил, так же вот убираться да полы мыть. Слава Богу тама она и с женихом своим сошлась. Это сейчас у нее все хорошо, а до того... лучше не вспоминать. Иной раз за день и крошки хлеба во тру не бывало... Ну, да ладно, давай-ка вот это платишко на тебя примерим. Это от Дуни осталось, она его почтишто и не носила, а тебе сейчас в пору должно быть.

Ксюша примеряла платье, а бабка прикидывала, где ушить, подобрать.

– Да Ксюха, платишко-то великовато, Дуня в твои годы посправнее была. Ну, это и понятно, у вас то в дому с харчами всегда плохо. Это ничего, главно по росту подходит, а что широко ушьем. А потом, как мало станет, распорешь и опять в пору будет. Это в деревне хлеб горький и дается тяжело, а у господ и легкий и сладкий. Здесь быстро отъешься, поправишься, – баба Глаша булавками отмечала места, где надо ушивать платье.

– Баб Глаш, а еще барышня говорила, что когда наши подшиваловцы ихними крепостными были, все лучше было и жизнь чище и легче была, поведала Ксюша.

– Да, не помню я того времени, я же позже родилась. А вот мама моя рассказывала, что в деревне тогда так же плохо жили. Только сейчас можно вон куда хочешь идти, где хочешь работать, на своей ли земле, или как отец твой на заработки уйти. А тогда хочешь не хочешь барщину отработывай, четыре дня в неделю, и без барского дозволения никуда не уйдешь. Так что врет барышня, в то время только им, барам хорошо было. Все тут ихнее было и деревня и люди, вот она над ими и мудровала как хотели, над родителями нашими и дедами. А моя бабушка, помню, еще сказывала, как она в Пензенской губернии жила, посреди леса. Там и дрова свои были и луга для скотины хорошие. Так нет, сорвали с хорошего места, завезли вот сюда в степь голую. Бабушка говорила, как она тяжело тут обживались, сколь мук приняли. И насчет чистоты врет барышня. До того как немцы тут не поселились вся деревня по весне и осени в грязи плавала, летом в пыли, а зимой снегом бывало чуть не по крыши заносило. Это барский двор всегда был убранный, всю деревню сгоняли, чтобы листья убирать, деревья сажать, или снег расчищать. Здесь все силы оставляли, а чтобы свои дома убирать да в чистоте содержать у многих и сил не оставалось. А вот как немцы приехали только тогда и у нас поняли, что можно в чистоте жить. А умные люди говорят с того немцы и живут чище, что у них бар давно уж нет, их прадеды уже только на себя работали. Конечно на все божья воля, но то что крепость ту отменили это тоже божья воля, боле уж никак нельзя было ее терпеть...

1963 г.

Обоняние... с тех пор как болезнь прогрессировала, Ксения Андреевна связь с внешним миром осуществляла все более благодаря этому чувству. Как остро она реагировала на запах, когда печку топили углем, так и когда сноха готовила пищу. На этот раз именно такой запах заставил ее очнуться. То был запах манной каши на молоке, единственной пищи которую мог воспринимать ее пораженный опухолью пищевод. Миску с теплой кашей принесла сноха. Есть не хотелось, как и вновь оказаться в этой безрадостной для нее реальности. Пребывать в полусне было куда приятнее.

– Мама, надо хоть немного покушать, – упрашивала сноха.

Но Ксения Андреевна не реагировала, частично пребывая все еще там в 1910 году, резвой тринадцатилетней крестьянской девочкой, оказавшейся в барском доме, резко поменявшей свою прежнюю жизнь. Потом она еще много раз менялась, много чего в ней случилось, кроме одного, о чем смолоду мечтала, счастья в ее понимании. Ксения Андреевна в своих раздумьях не раз винила в том Бога. Как же так, он дав ей немало для того, чтобы быть счастливой, и красоту, и ум и главное сильный, твердый характер... а вот счастья так и не удосужился предоставить.

Впрочем, все кого она знала, кто окружал ее по жизни – она и их никого не могла однозначно назвать счастливыми. Все в большей или меньшей степени мучились, кто по семейному, кто по бедности, кто по воли власти, но по настоящему довольных жизнью, счастливых, во всяком случае женщин, она не встречала. Как орали в революцию, что как только выгоним бар счастливы станут все. Ну и что? Да жизнь стала другая, но особого счастья и эта жизнь мало кому дала.

Ей вроде бы даже тогда повезло, в тот период, когда многие ее ровесницы из-за войны и революции остались вековухами, она и замуж сумела выйти и детей родила. Старость вот встретила в семье сына. Конечно, не такую жену хотела она для своего сына. Разве сноха ровня ему? Ее-то Володя, и высокий, и красивый, и семилетку окончил, и на хороших местах всегда работал, и в компании не тушует, и спеть и сплясать может. Впрочем, петь сноха тоже мастерица и даже на гитаре играть умеет. Но таланты снохи Ксения Андреевна особо ценными не считала. Что эта музыка, или как сама о себе сноха говорит, что у нее абсолютный музыкальный слух? Это как-то помогло ей в жизни, вылилось во что-то материальное!? Нет, если ты родилась крестьянкой, да еще и душа у тебя робкая так и нечего всякими барскими умениями щеголять. Все одно жизнь для тебя это готовка пищи, огород, дойка коровы... Да это ладно, некоторые и крестьянками рождаются, а как смотрятся, а эта уж больно серая она на фоне ее сына: невысокая, нескладная, как говорится, ни лица, ни тела, да и нравом уж очень скромна, как тихое лето...

В глубине души Ксения Андреевна понимала, что своим привилегированным положением в семье сына, она прежде всего и обязана этой самой робости, скромности, тихому нраву и покладистости снохи, ее беспримерной терпимости. Она молчаливо согласилась быть в своем доме на вторых ролях, зачастую выполняя обязанности бесправной прислуги при властной свекрови. Многие соседки и знакомые, ровесницы Ксении Андреевны откровенно ей завидовали – у них не было таких снох. Многие из них, находясь в схожей ситуации, что называется, по одной половине ходили, в углах за печками жили, вопреки куском хлеба выслушивали. Да такую сноху любая свекровь иметь бы пожелала. Но, как говорится, что имеем не ценим.

Нет, не считала себя Ксения Андреевна чем-то обязанной снохе, как и не видела ничего необычного в том, что сноха так вот ходит за ней, и в связи с ее болезнью даже на работе взяла отпуск, чтобы постоянно быть при лежачей свекрови: кормить, подмывать, менять простыни...

Но отпуск тот подходит к концу и теперь, видимо, сыну придется «принимать эстафету». За те недели, что Ксения Андреевна полностью перестала себя обслуживать и лежала пластом, она успела возненавидеть манную кашу. Вот и сейчас, кое как проглотив несколько ложек и запив их чаем, она отказалась от дальнейшего приема пищи. Во время еды она находилась в положении полулежа, для чего ей подкладывали дополнительную подушку. И едва после еды сноха ту подушку убрала, Ксения Андреевна, для которой теперь каждый прием пищи давался с трудом... Она вновь обессилено провалилась в полузабытье и по аналогии с той пищей, которую была вынуждена есть сейчас, ей привиделось, как она питалась в то далекое время в барском доме...

1911 г.

Чего в доме у господ Римских-Корсаковых имелось в избытке, так это всевозможных продуктов питания. Тут присутствовали как продукты собственного производства с барских полей оранжерей, скотного двора, где трудились, как постоянные работники, так и сезонные батраки, а так же продукты закупаемые в городе. Господа и сами поесть любили и прислугу хоть и гоняли, но она у них впроголодь никогда не жила. Так повелось еще с крепостных времен – дворовая челядь всегда и одевалась и кормилась значительно лучше, чем остальные подшиваловцы, которые частенько хлеб ели вперемешку с лебедой. Понятно, что попасть служить на господский двор, в барский дом считалось большой удачей. Прежде всего, это означало, что ты уже не будешь голодать, а голод в Поволжье всегда являлся страшнейшим бедствием, ибо навещал этот многострадальный край с регулярной периодичностью.

У господ же голода не случалось никогда. Даже в неурожайные годы, благодаря большой площади принадлежавших им земель, хлеба и прочих продуктов собирали с них достаточно. Более того, в неурожайные годы цены на хлеб так подскакивали, что господа иной раз выручали от его продажи больше, чем в годы урожайные. Таким не очень богатым на урожай стал 1911 год, когда в деревнях и селах саратовского левобережья выживали с трудом, а кое где так и целыми семьями подавались в города, чтобы прокормиться там. В городах кто брался за любую работу, кто просто побирался на церковных папертях или прямо на улицах.

Ксюша к тому времени уже обжилась у господ, довольно быстро стала своей среди господской челяди. Правда, барышне она не особо глянулась, да ей и угодить было нелегко. Ирина Николаевна не терпела даже малейшего проявления своеволия, о чем и сама говорила прямо:

– Ты Ксения, вроде и не дерзишь, а я все равно вижу, что в душе ты дерзкая. Смотри, не вздумай мне тут показать свой характер. Не такая ты как бабка твоя. Знаю, что и ей не все тут нравилось, а вот дерзости никогда даже взглядом своим не показывала. Ты гордость свою смири, тогда и у нас останешься, и жить хорошо будешь...

А что тогда для простого человека считалось хорошей жизнью? Это, прежде всего, вволю есть. Русские крестьяне с незапамятных времен так часто переживали голод, что страх перед ним стал передаваться из поколения в поколение на генетическом уровне. И Ксюша этот генетический голод многих поколений утоляла самой лучшей, качественной пищей, ведь иной на барской кухне просто не готовили. Попутно она приноравливалась припрятывать продукты и когда навещалась в родительский дом постоянно приносила гостинцы с барского стола: куски тамбовских окороков, сахар, булки, баранки, пряники, мармелад, конфеты и совсем невиданные здесь фрукты типа апельсинов или мандаринов. Ту голодную зиму с 11 на 12 год она помогла своей матери и двум младшим братьям пережить и не пойти побираться. Теперь дома и на нее, как до того на бабу Глашу, смотрели как на благодетельницу.

Уже через год-полтора пребывания в барском доме в свои 15 лет на хорошем корме Ксения буквально расцвела, превратившись из неформившейся худой девочки в упитанную фигурную симпатичную девушку. Это не осталось незамеченным. Когда она появлялась в деревне мужики и парни оборачивались ей в след. Некоторые отпускали замечания типа:

– Ух, какая Ксюха круглая стала в заду и грудях, прямо мочи нет, как зажать ее где-нибудь хочется.

Жизнь господской дворни отличалась от жизни хлебопашных, черных крестьян не только более качественным питанием. Они никогда также надрывно не работали. Да, конечно, им приходилось постоянно угождать, пресмыкаться... но редкий деревенский предпочел бы свою жизнь участи дворового.

Не могла не заметить превращений по мере взросления происходивших с Ксенией и барышня. Сама она, что называется, «ходила в невестах» и на смотрины в барский дом регулярно приглашали потенциальных женихов. Они приглашались, и в индивидуальном порядке, и в сопровождении папаш, мамаш, тетюшек... Эти визиты и ответные прерывались только в зиму, когда губернские и земские тракты заметало снегом. Именно имея целью, чтобы гостям за столом прислуживала молодая красивая горничная, Ксению срочно из поломоек возвели в горничные и стали «натаскивать» для этого дела.

Ирина Николаевна довольно рано осталась без матери и с подросткового возраста привыкла к роли хозяйки имения своего отца. Николай Николаевич, отец Ирины, домашними делами занимался мало, ранее перепоручив в основном хлопоты по полевым работам управляющему, а по домашнему хозяйству жене, ну а когда той не стало, то как-то само-собой на хозяйство встала дочь, и он не препятствовал ей руководить домом по своему усмотрению. Чем же он сам занимался? Да, в общем-то ничем, то есть вел обычную жизнь помещика средней руки: чтение газет, карты, бильярд, пространные разговоры о государственном устройстве, смысле жизни, губернские сплетни. На организацию собственных балов и псовой охоты у него средств не хватало, но в случае если кто из соседей таковые организовывал, он эти забавы с удовольствием посещал. Обычно молодые помещичьи дочери не очень любили заниматься хозяйством. Но Ирина оказалась не из таких. Она тоже любила и на балы ездить и гостей принимать, но в то же время с удовольствием в охотку вникала во все мелочи жизни имения. А что еще оставалось красивой, здоровой, молодой, с детства познавшей опьяняющий вкус власти девушке. То, что Ирина поездкам по гостям предпочитала гостей принимать было весьма накладно. Но как говорили дворовые, хлеб за брюхом не ходит, как бы намекая, что такая невеста как их барышня и не должна никуда ездить, наоборот, все лучшие женихи с округи должны к ней приезжать и в очередь становиться. Ведь их барышня не только красавица, она Римская-Корсакова, хоть и не княгиня и не графиня и не очень богата, но принадлежит к древнему и влиятельному роду. И Ирина Николаевна знала себе цену.

Барышня самолично занялась «обучением» юной горничной. Нелегко оказалось Ксении овладеть манерами, походкой, умением грациозно разносить на подносе угощение, напитки. Ксении сшили соответствующее платье, передник, сделали прическу. Теперь она исполняла роль красавицы-служанки при красавице-госпоже.

1963 г.

Ксения Андреевна не то чтобы не любила сноху, а относилась к ней с таким снисхождением. При этом она отлично осознавала, что с другой вообще вряд ли бы вообще смогла жить под одной крышей. И это прежде всего обуславливалось тем, что в характере снохи вообще не было ничего «господского». Она являлась обыкновенной крестьянкой, сумевшей выучиться, как и сын Ксении Андреевны бухгалтерскому делу. Если бы она была иной... то никогда в одном доме не ужились бы две «госпожи». А Ксения Андреевна отчетливо ощущала в себе эту склонность еще с 1911 года, когда ее перевели из полумоек в горничные. Именно тогда в «черной крестьянке» начали проявляться задатки «столбовой дворянки».

Ксения Андреевна вновь ненадолго пришла в себя и увидела стоящих возле ее кровати сына и сноху. О чем они негромко переговаривались, она не услышала. В её сознании вдруг родились мысли совершенно не соответствующие ее нынешнему состоянию и положению: «Господи, какая же она нескладная и совершенно не умеет одеваться, что ни пошьет, все на ней висит мешком. И куда Володя смотрел, когда выбирал такую. Ведь тогда, после войны, свободных девок вокруг море было – любую бери. Да за ним бы любая не бегом, в припрыжку побежала». И вновь в ее сознании не возникло напрашивавшегося протеста: «Зато она сына твоего по настоящему любит и к тебе со смиренным уважением относится, твое высокомерие сколько лет терпит и сейчас тебя больную недвижимую обихаживает, из под тебя выносит... Стала бы гордая да красивая типа тебя в молодости, за свекровью ходить от которой за шестнадцать лет доброго слова не слышала?»

Нет не такие мысли пришли в голову умирающей. Она смотрела на мешковатый халат и «раздавленные» дойкой и огородной работой ладони снохи и... Ксения Андреевна вдруг отчетливо «извлекла» из своей памяти маленькие припухлые ладошки барышни Ирины, которыми она энергично жестикулировала при обучении ее «горничному» мастерству.

1911 г.

– Следи за осанкой... держи спину! Да не так, колода неповоротливая, – Ирина Николаевна раздраженно ударила своей холеной ладошкой Ксению по спине, заставив ту буквально выгнуться назад.

– Учти, ты должна не просто так стоять, а еще идти, неся перед собой поднос. И все это делать надо с самым непринужденным видом и легкой улыбкой на лице. А у тебя сейчас такая походка, что стук башмаков, наверное, в твоей Подшиваловке слышно! Не научишься ступать легко, неслышно, спину держать, я тебя уже не в полемойки, а в хлев отправлю коров доить и за свиньями убирать.

Ксения в сшитом по фигуре платье, белоснежном накрахмаленном переднике, в чепце, с убранный в толстую косу свернутую кренделем волосами... Она стояла в гостинной барского дома перед большим зеркалом, а барышня муштровала свою новую горничную перед первым «выходом в свет».

Тот день Ксения потом помнила долго. Она старалась, но была неловка, неестественно напряжена, и не раз ловила на себе злые взгляды барышни. Тем не менее, она произвела на гостей, прежде всего на мужчин, весьма благоприятное впечатление. Она даже улавливала «краем уха» восхищенные перешептывания:

– Вот это дитя природы!... Я всегда говорил среди крестьянок такие экземпляры встречаются, если их хорошо кормить приодеть и хоть немного воспитать – графинями смотреться будут.

Присутствовавшие на том званом обеде барыни и барышни, конечно же восторга не испытывали от столь нарочитого мужского внимания к юной горничной. Некоторые злобно шипели, да так чтобы она слышала:

– Экая невидаль, обычную деревенскую дуру нарядили причесали, ногти грязные обстригли...

В свою очередь барин Николай Николаевич «творением» дочери был очень доволен и хвастал гостям:

– Не поверите господа, когда ее два года назад в дом взяли, ну совсем паршивка паршивкой была, сопли до пола. И вот полюбуйте, результат, что значит обыкновенную крестьянку из мерзости достать, отчистить – совсем другая картина.

Барышня в отличие от приглашенных дам и девиц не комплексовала по поводу мужского внимания к Ксении – она сама являлась красавицей и тем же вниманием никогда не была обделена. Она хоть и замечала все «ошибки» Ксении, но в общем её «дебютом» осталась довольна. Да и в самом деле, разве может барышня, сама получившая от природы отличную внешность, к тому же с детства росшая в холе и неге, да еще принадлежащая к столь знатному роду, видеть конкурентку в какой-то крестьянской девке взятой, что называется, «из навоза»? Даже внешне трудно с ней было равняться Ксении, не говоря уж о прочем.

Теперь Ксения уже всякий раз прислуживала гостям, раз от разу ощущая себя в своей новой ипостаси все увереннее и естественнее. Дома и в деревне ее стали почитать ничуть не менее чем до того ее двоюродную бабу, дивясь как быстро она так «возвысилась». Ксения теперь соответственно одевалась, никогда не ходила босой. Ее руки, уже не делавшие обычной крестьянской работы, типа стирки и дойки и даже не мывшие полов, стали приобретать нежную припухлость – ну почти как у настоящей барышни. А Ирина Николаевна наметила нечто вроде плана на ее ближайшее будущее:

– Если будешь хорошо служить, как замуж выйду и тебе помогу хорошего жениха найти, где-нибудь в городе, за приказчика или какого-нибудь мелкого чиновника. Как в город поеду

и тебя с собой возьму, а уж там все от тебя будет зависеть. Ты только не загордись раньше времени и делай все, что я тебе прикажу быстро и без разговоров.

И Ксения делала. Вскоре её уже допустили в спальню, а потом и в ванную комнату, одевать-раздевать и мыть барышню. И все бы оно ничего да с женитьбой у Ирины Николаевны никак не складывалось. Хоть от претендентов и отбоя не было, да те, что Николаю Николаевичу импонировали, Ирине не нравились, или наоборот. Дело в том, что Николай Николаевич испытывал определенные финансовые затруднения и потому был готов принимать претендентов на руку дочери даже из купцов. С чем Ирина категорически не соглашалась:

– Я столбовая дворянка, и купчихой никогда не буду!

Данное обстоятельство заметно сужало круг именно состоятельных потенциальных женихов. Князей да графов... таких в Саратовской губернии водилось сравнительно немного, да и среди них далеко не все были богаты, к тому же на беститульных дворян хоть и столбовых в их среде смотрели несколько свысока. Ко всему Ирина хоть и не являлась этакой сверхромантичной натурой, а в общем являлась девушкой достаточно «приземленной», но замуж выходить, тем не менее, желала только по любви. И не в ее характере было скрывать свои истинные чувства, что прежде всего проявлялось в бесцеремонном указывании не нравившимся ей претендентам на дверь. Вся прислуга в имении судачила по этому поводу, гадая, когда же, наконец, их привередливая барышня выйдет замуж.

В конце-концов, по душе ей пришлось поручик, служивший в одном из расквартированных в Саратове кавалерийских полков. Тот поручик тоже происходил из столбовых дворян, но только оказался совсем небогат. По этой причине он, понятное дело, никак не мог понравиться Николаю Николаевичу. Когда Ирина раз за разом стала приглашать поручика и в их подшиваловский дом и на съемную квартиру в Саратове, совершать с ним совместные конные прогулки, стала часто с ним уединяться... Где-то весной 1912 года между отцом и дочерью случился разговор на повышенных тонах, потому и услышанный слугами. Николай Николаевич откровенно высказывал свое недовольство:

– Он же беден как церковная мышь! Знаешь, какая у него наследственность!? Его папаша умудрился два имени промотать, и свое, и то, что в приданное от жены получил. А яблоко от яблони... сама знаешь. Кончится тем, что он и наше имение спустит...

Тут, как говорится, нашла коса на камень, тем более что Ирина имела твердый характер и влюбилась в поручика по-настоящему. Да там и было в кого влюбиться. Не писанный красавец, но весьма недурен собой был тот поручик: высокий, осанистый молодой офицер с прекрасными манерами. Мундир на нем сидел как влитой, сапоги зеркально блестели, в седле сидел, как будто в нем родился. Но для нуждающегося в деньгах Николая Николаевича то не являлось значимыми достоинствами. Ведь он рассчитывал выдать дочь за состоятельного человека и с его помощью поправить свои дела, а главное, давно мечтал подняться в иерархии губернского дворянства, где тоже год от года все большую роль играли именно деньги, а родовитость, увы, все меньшую. А в перспективе он мечтал о должности предводителя губернского дворянства. В этой связи у него имелось на примете ряд потенциальных женихов для дочери, чьи родственники могли в этом нелегком деле ему существенно помочь. Те «женихи» были существенно старше Ирины, но Николай Николаевич считал это не столь важным обстоятельством, как говорится стерпится-слюбится. И вот все «карты» спутал этот кавалерист-поручик.

Николай Николаевич попытался, что называется, «топнуть ножкой», запретить дочери встречаться с поручиком... В этой связи Ксения стала как никогда нужной барышне. Будучи уже второй год в ранге горничной, она свободно ориентировалась не только в подшиваловском барском доме, но и в их огромной съемной квартире в Саратове. Более того, она стала как бы доверенным лицом барышни, ибо ей Ирина доверила роль «почтальона» в период конфликта с отцом. Много раз пришлось ей в Саратове бегать к поручику с письмами и приносить ответные.

Любопытство, эта черта свойственна многим людям и особенно женщинам и девушкам. Не была лишена этой слабости и Ксения. Она не раз, будучи на «стреме», подсматривала за свиданиями влюбленных. То оказалась совсем иная «любовная игра» совсем непохожая на то, что происходило в схожей ситуации между парнями и девушками в деревне. Казалось бы то же самое действие, когда руки поручика проникали под платье Ирины, но в то же время это ласковое проникновение совсем не сравнимо с обычно грубым лапанием, практикуемым парнями на свиданиях с подшиваловскими девками. И ответная реакция Ирины, ее вожделенно сдержанные охи, совсем не походили на ответный визг подшиваловских девок. За теми любовными утехами не только подсматривать, но и просто подслушивать их было приятно. И Ксении тоже хотелось ощущать то же, что ощущала барышня – ведь ей шел шестнадцатый год, она уже два года жила при господах и успела отвыкнуть от тяжелой крестьянской обыденности, у нее появились новые интересы и желания, эстетические ориентиры.

Конечно, барышня не догадывалась о думах и желаниях своей молодой служанки, в полной уверенности, что та счастлива своим положением и о большем не помышляет. Ксения после того как была приближена к барышне действительно пребывала где-то с полгода совершенно счастливой. Потом... Потом с ней стали происходить совершенно невозможные для господского понимания вещи. Видимо, нечто подобное в свое время происходило и с мировоззрением её двоюродной бабки. Но с той эта метаморфоза происходила уже в более зрелом возрасте, а у Ксении совсем в юном. Бабка за все свои тридцать лет службы в глазах господ ничем себя не выдала. По аналогии так же господа думали и о Ксении, которую «достали из грязи». Но они не учитывали веяния времени, что во время начала службы бабы Глаши в памяти еще свежа была «крепость», крепостное право и у многих крестьян тогда еще имело место отношение к своим бывшим господам как к существам высшего порядка ниспосланным к ним самим Господом Богом. В начале двадцатого века такое мировоззрение среди русского крестьянства оказалось серьезно поколебленным. Ко всему в 1905-1907 годах в губернии, как и во всей России, прокатились крестьянские волнения, сопровождавшиеся погромами помещичьих усадеб. И хоть те волнения обошли Подшиваловку стороной, но и здесь крестьяне уже стали далеко не те, что раньше. У многих в головах созрел вопрос: а с чего это у господ так много земли и лугов и в самых лучших местах!?

С малых лет Ксения слышала, как возвратившийся с отхожего промысла отец возмущался существующим порядком вещей:

– Пропади этот город пропадом! Никогда бы туда не пошел за гроши ишачить, кабы у нас земли поболее было, да получше. Вот если бы всю господскую землю меж нами разделить – всю Подшиваловку можно было бы хлебом завалить и никому не надо было бы в город уходить...

Потому Ксения хоть внешне не выказывала недовольства, но уже с определенным напряжением терпела ту же высокомерность барышни, которая не давала себе труда скрывать свое сословное превосходство. Ксения уже без восторга исполняла такие свои обязанности как уборка после барышни ее постели, мытье ее в ванной, уборка ее личного, так называемого, ватер-клозета. Ксения понимала, что все это с превеликим удовольствием согласиться делать любая девушка из Подшиваловки и своего места она не собиралась уступать. Тем не менее, от барышни ей передалось то, чего, казалось бы не могло быть в русской крестьянке от рождения – чувство собственного достоинства, и еще... Еще Ксении, чем дальше тем больше самой захотелось стать госпожой. Да-да, она вдруг сама захотела жить как жила барышня, как жили в ее понимании все господа: спать сколько захочет, ни к чему не прикладывать своих нежных красивых рук, быть хозяйкой в доме и отдавать приказания прислуге. При этом такие посторонние для крестьянского самосознания факторы, как то что барышня при такой жизни много училась, знает французский и немецкий языки, умеет играть на фортепьяно, знает и умеет множество прочих вещей ей совершенно неведомых... Все это сознание Ксении не восприни-

мало как необходимые атрибуты легкой и приятной барской жизни, а так, ну вроде как несерьезные капризы, излишества без которых вполне можно обойтись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.